

УДК: 913(5):910.4:929

ФРЭНСИС ЯНГХАЗБЕНД В УССУРИЙСКОМ КРАЕ: МАЛЕНЬКИЙ ЭПИЗОД БОЛЬШОЙ ИГРЫ

Дмитрий Викторович КИСЕЛЁВ,

китаевед, независимый исследователь, г. Москва.

E-mail: henry.james1888@gmail.com

Работа посвящена малоизвестному эпизоду из жизни Ф.Э. Янгхазбенда, знаменитого британского путешественника и военного деятеля. Он оставил заметный след в истории так называемой «Большой Игры» — битвы британской и русской военных разведок в Азии в конце XIX в. Целью первого путешествия Янгхазбенда была Маньчжурия — стратегически важный регион Китая, привлекавший внимание Британской империи. В ходе 7-месячной поездки, предпринятой в компании Г. Джеймса и Г. Фулфорда, Янгхазбенд посетил Уссурийский край (нынешнее Приморье).

Ключевые слова: британский путешественник, экспедиция, маршруты, русско-китайская граница, Уссурийский край.

F.E. YOUNGHUSBAND IN USSURIISKY REGION: A SMALL EPISODE OF THE BIG GAME

D.V. Kiselev lives in Mscow, a sinologist, an independent researcher, a graduate of Far Eastern State University.

The paper examines a less-known episode from the life of F.E. Younghusband, a prominent British explorer and military activist. He took an active part in the so called “Big Game” — the British–Russian intelligence rivalry in Asia at the end of the 19th c. The object of the first Younghusband’s trip was Manchuria — strategically important part of China, which also focused attention of the British Empire. During the 7 month journey Younghusband, accompanied by H. James and H. Fulford, visited Ussuriisky region (modern Primorye).

Key words: a British traveler, expedition, routes, the Russo-Chinese frontier, Ussuriisky region.

* * *

Имя Фрэнсиса Эдварда Янгхазбенда (1863—1942) известно всем, кто интересуется историей географических открытий. Его жизни и путешествиям посвящено немало книг [1; 2; 3]. Он прославился своими исследованиями Центральной Азии, особенно его интересовал Китай, а также окраинные регионы — Тибет и Маньчжурия. Первым крупным событием в карьере будущего президента Королевского географического общества стала поездка по Северо-Восточному Китаю, предпринятая в 1886—1887 гг. в компании Г. Джеймса и Г. Фулфорда.

В начале 1880-х гг. юный лейтенант Ф. Янгхазбенд служил в полку Королевских драгун в г. Равалпинди (современный Пакистан). Монотонная

гарнизонная жизнь заставляла энергичного офицера искать ярких впечатлений на охоте и верховых прогулках. Летом 1884 г. он решил провести очередной отпуск в Дхармасале (современный штат Химачал-Прадеш в Индии), где в предгорьях Гималаев жил его дядя — известный британский разведчик Роберт Б. Шоу (1839—1879). Этот ветеран, в 1868 г. первым из британцев посетивший Кашгар, стал для племянника проводником в опасном и увлекательном мире азиатских странствий [4]. Общась с дядей, Ф. Янгхазбенд, по его собственному выражению, «заразился исследовательской лихорадкой» [5, с. 2—3]. Вскоре последовало назначение в 3-месячную рекогносцировку вверх по долине р. Инда к границам Афганистана. Нет ничего удивительного в том, что внезапно разгоревшаяся страсть лейтенанта получила одобрение командования. В те годы понятия «путешественник» и «разведчик» были неотделимы. Военно-политическое соперничество Российской и Британской империй в Азии, известное под названием «Большой Игры», породило особый спрос на людей, не боявшихся опасности и готовых переносить тяготы походной жизни во имя колониальных интересов своей страны.

В 1885 г. в Симле Янгхазбенд познакомился с чиновником индийской гражданской администрации Г. Джеймсом (1846—1923), планировавшим путешествие по Маньчжурии. Проект такой поездки не мог возникнуть на пустом месте. Северо-Восточный Китай, занимающий стратегически важное положение на границах Монголии, Кореи и российского Дальнего Востока, находился под пристальным вниманием англичан. В 1860 г. Великобритания получила прямой доступ в Маньчжурию через порт Инкоу, открытый для иностранной торговли в соответствии с Тяньцзиньским англо-китайским договором от 26 июня 1858 г.* Великобритания стремилась превратить Маньчжурию в плацдарм своего влияния и своеобразный противовес, призванный ослабить давление России в Центральной Азии. Уже в 1861 г. Дж. Флеминг и А. Мичи предприняли поездку из Тяньцзиня в Мукден, посетив Инкоу, Ляоян и Цзиньчжоу [6]. В конце 1860-х гг. большое путешествие по Маньчжурии совершил шотландский пресвитерианский миссионер Александр Вильямсон [7]. В отличие от этих путешественников, интересовавшихся в первую очередь южными и центральными районами Маньчжурии, Г. Джеймс планировал охватить своими маршрутами приграничные области — горы Чанбайшань по соседству с Кореей, район г. Хуньчунь на границе с Южно-Уссурийским краем, юго-восточные аймаки Монголии и побережья Амура. Первоначально Г. Джеймс намеревался взять в попутчики У. Кэри, будущего исследователя Тибета, однако тот отказался. Случайно встретив Янгхазбенда, Джеймс без обиняков предложил ему участие в экспедиции. Янгхазбенд вспоминал: «Джеймс явился в мой дом и с порога предложил отправиться с ним в дальний путь. Я тут же согласился, ничуть не интересуясь маршрутом поездки: было достаточно того, что мы вообще куда-то едем» [5, с. 3].

В марте 1886 г. компаньоны покинули Калькутту и 13 мая прибыли в Инкоу. Здесь к ним присоединился студент-переводчик британской кон-

* Ратифицирован в Пекине 24 октября 1860 г.

сульской службы Г. Фулфорд*. Таким образом, в состав маленького отряда входили представители колониальной администрации, дипломатического корпуса и военного ведомства Британской империи. Наиболее полное описание этого полузабытого путешествия принадлежит перу Г. Джеймса [8]. Сам Янгхазбенд также посвятил своей первой экспедиции начальные главы книги «Сердце континента», однако проявил большую скромность в оценке собственных путевых заметок.

Странствия троих британцев по Маньчжурии продолжались 7 месяцев. Проехав всю страну и не забыв посетить такие важные военные объекты, как Гиринский арсенал и крепость в г. Саньсине, «...спланированную по всем правилам современной европейской фортификации и вооружённую крупновскими пушками в 6—7 тонн», спутники добрались до границ Уссурийского края [5, с. 27]. Первоначально Г. Джеймс хотел посетить Благовещенск, пройдя туда через Цицикар и Айгунь (современный г. Хэйхэ). Дорожные затруднения привели к тому, что в Цицикар экспедиция прибыла только 20 сентября 1886 г. Как писал Джеймс, «...до Амура было около трёх недель пути и никто не поручился бы, что русские позволят нам пересечь свою границу» [8, с. 308]. Изменив маршрут, англичане проехали из Цицикара в Саньсин, а оттуда — в Хуньчунь. В этом приграничном городе Г. Джеймсу сразу же бросились в глаза приметы оживлённого торгового обмена с соседней страной: «Даже в этом глухом углу обитаемого мира лавки были переполнены импортными товарами, доставленными из соседней России. Вниманию покупателей предлагались керосиновые лампы, часы, глицериновое мыло, конфеты, бисквиты, английские чайные сервизы, американские консервированные фрукты и множество других товаров» [8, с. 345].

В Хуньчуне англичане первым делом осмотрели городские укрепления и казармы гарнизона, а затем занялись разведкой дороги, ведущей к границе России. Выяснив, что ближайший русский пост находится не более чем в 13 милях от Хуньчуна, Г. Джеймс послал коменданту письмо с просьбой разрешить членам экспедиции короткий визит на русскую территорию, чтобы «узнать европейские новости и сделать некоторые покупки». Через несколько часов двое нижних чинов привезли ответ, обещающий «безыскусное, но искреннее казацкое гостеприимство» [8, с. 348]. Таким образом, Ф. Янгхазбенд, главным содержанием жизни которого было противостояние «русской угрозе», получил возможность посетить Россию. Вероятно, это была самая короткая поездка в его яркой жизни: она продолжалась всего два дня — 6 и 7 ноября 1886 г. В изложении Янгхазбенда она почти ничем не отличается от описания Г. Джеймса. Можно отметить одну деталь: по всей видимости, англичане не сомневались в том, что русские пограничные власти позволят им нанести визит. Янгхазбенд пишет, что они отправились в сторону границы, не дожидаясь ответа, и были встречены двумя верховыми казаками уже после того, как миновали «высокий обелиск на вершине холма в 10 милях от Хуньчуна» [5, с. 32]. Это был пограничный знак, установленный в 1886 г. после очередной демаркации российско-китайской границы.

---

* Впоследствии генеральный консул Великобритании в Тяньцзине.

Свою первую встречу с русскими английский офицер описывает с лёгкой иронией: «Перед нами были самые настоящие казаки. Никто из нас никогда прежде их не встречал, однако всадники так напоминали распространённые гравюры из газет и журналов, что ошибиться было невозможно» [5, с. 32]. Первой остановкой англичан в России был пограничный Хуньчуньский караул, который Янгхазбенд и Джеймс называют Свонка. Там путешественников встретил полковник Соколовский. В действительности начальник поста Изидор Эразмович Соколовский носил в то время более скромный чин есаула, или ротмистра кавалерии. Он родился в 1843 г. в Волынской губернии (Украина), происходил из польских дворян католического вероисповедания. Начав службу в уланах в 1860 г., Соколовский хорошо зарекомендовал себя в глазах начальства, участвовал в подавлении Польского восстания 1863 г., однако в 1866 г. вышел в отставку в чине поручика «по домашним обстоятельствам». В 1874 г. он вновь попросился на военную службу и был определён в Забайкальское казачье войско в чине сотника (капитана). Имея хорошее образование и владея иностранными языками, Соколовский получил назначение в Иркутское юнкерское военное училище, однако по какой-то причине не добрался до места назначения и провёл несколько лет в различных казачьих частях от Иркутска до Семипалатинска. В 1878 г. он принимал участие в русско-турецкой войне в составе Болгарского земского войска, а затем почти год занимал должность полицмейстера в г. Филиппополе (г. Пловдив в Болгарии). Получив за эту службу орден св. Станислава 3-й степени, Соколовский в 1879 г. вернулся в Забайкалье, а в 1885 г. был переведён в Южно-Уссурийский край. В марте 1886 г. его назначили командиром 2-й Уссурийской конной казачьей сотни и по совместительству начальником Хуньчуньского караула. Сразу по прибытии к новому месту службы Соколовскому пришлось обеспечивать работу русско-китайской разграничительной комиссии. В ходе долгих и трудных переговоров комиссии удалось решить многие проблемы региональных отношений двух держав, в частности, закрыть давний и болезненный «Савёловский вопрос» [9]. В 1889 г. И.Э. Соколовский был произведён в подполковники, а в 1892 г. окончательно вышел в отставку [10, ф. 400, оп. 17, д. 7216, л. 4-34 об].

Начальник Хуньчуньского караула умел ладить с китайскими соседями, а заезжим англичанам оказал самый радушный приём. Впоследствии Янгхазбенду приходилось неоднократно сталкиваться с русскими военными в самых разных уголках Азии. Из этих встреч он вынес самое благоприятное впечатление о «потенциальном противнике». Вспоминая своё пребывание в Уссурийском крае, путешественник писал: «Русские никому не уступят в радушии, в том числе и англичанам. Мы явились незваными в этот Богом забытый уголок, отделённый тысячами миль от Санкт-Петербурга и Лондона, и встретили самый искренний и тёплый приём» [5, с. 32].

Британский офицер с охотой посетил казармы русских пограничников и интересовался условиями их службы: «Казаки усердно трудились, готовя казармы к наступлению зимы. Эти грубые, сильные, хорошо сложенные люди больше напоминали рабочих. Было видно, что они способны справиться с любой задачей. Английский солдат в полевых условиях выглядит так же, однако на постоянных квартирах его трудно отвлечь от забот о кра-

соте мундира. Казак, напротив, в любую минуту готов мчаться куда угодно и биться с кем угодно. При этом собственная внешность — последнее, чем он станет забивать голову. Их бараки примитивны, однако содержатся в чистоте и не уступают казармам индийских туземных войск. Китайские солдаты в Хуньчуне живут в лучших условиях, впрочем, жилища казаков явно носят временный характер. Питание нижних чинов ограничивается чёрным хлебом и похлёбкой, сильно проигрывая рациону британского солдата. Жалованье казака составляет 20 рублей — около 15 шиллингов в месяц — и могло бы считаться неплохим, если бы не вычеты за экипировку. По словам полковника, в карман рядового попадает не больше полупенни в день! Поистине, нужна сила закона о воинской повинности, чтобы заставить человека выполнять всю работу, выпадающую на долю казака, при столь смехотворном жалованье». Офицеры были под стать своим подчинённым: они показались Янгхазбенду «...сильными, крупными мужчинами, пышущими здоровьем» [5, с. 33—36].

Если военные порядки русской окраины пришлись Янгхазбенду по душе, то традиции славянского застолья стали для него настоящим испытанием: «Трапезе предшествовала закуска из консервированных сардин и вяленой рыбы, под которую было выпито по две рюмки водки: полковник сказал, что «промочить горло» перед ужином совершенно необходимо. Вскоре посреди стола появилась огромная миска, полная густого наваристого супа. «Никаких церемоний, господа!» — воскликнул полковник, от души наполняя свою тарелку. Все сидевшие за столом поспешили последовать примеру хозяина. Подле каждого из нас выстроилось по шесть бутылок вина и пива — они напоминали армию, готовую к атаке. Последовало несколько перемен самых питательных блюд, какие только можно себе представить. Хотя мы не забывали о своих тарелках, русские офицеры снова и снова поднимались, чтобы предложить кому-то из нас очередной щедрый кусок. Они так сердечно и щедро расточали своё гостеприимство, что я диву даюсь — как нам удалось пережить этот ужин? Несколько месяцев суровой походной жизни укрепили наши желудки и помогли показать себя стойкими едоками. Однако возлияния были просто убийственны! Ограничившись одним ликёром, мы, возможно и уцелели бы, но адская микстура из портвейна, пива, шерри, кларета и водки не оставляла шансов. Застолье продолжалось уже несколько часов, как вдруг со двора донёсся звон колокольчика. Это был тарантас, доставивший молодого офицера и его жену. «Как раз к ужину! — обрадовался полковник. — Потеснимся!» Вновь прибывший занял место за столом, а его супруга отправилась в отведённый для них домик. Всё выглядело так, словно молодой человек был заранее приглашён и лишь немного припозднился. На самом деле эта семья только что завершила изнурительный трёхмесячный путь через всю Сибирь!» [5, с. 34—35].

Как ни краток был визит троих англичан в Приморье, Янгхазбенд успел сделать немало интересных наблюдений. Прежде всего, ему бросилось в глаза то, как свободно чувствовал себя китайский военный, приехавший из Хуньчуна в гости к русским одновременно с англичанами. «Редко кому удаётся заставить китайца отбросить чопорность, но здесь явно был другой случай. Офицер приехал перед ужином, когда полковнику пришлось

ненадолго отлучиться по делам службы. Ничуть не смущаясь, гость прошёл в дом, умылся и привёл в порядок свой костюм. За столом он держался абсолютно свободно и не заставлял упрашивать себя наполнить тарелку или стакан» [5, с. 35]. Упомянутый китайский офицер принадлежал к свите хуньчуньского *фудутуна* (командующего местными войсками). Владея русским языком, он отвечал за официальные связи с соседями, а вне службы поддерживал с ними дружеские отношения.

Молодого англичанина, по всей видимости, очень заинтересовала личность начальника русского поста. Он упоминает об участии И. Э. Соколовского в русско-турецкой войне 1877—1878 гг. и с удивлением пишет о критическом отношении ротмистра к её итогам. Янгхазбенд не мог сдерживать улыбки, узнав, что Соколовский получил должность во многом благодаря знанию двух иностранных языков: этими языками были немецкий и французский, «особенно полезные на китайской границе» [5, с. 35]. Путешественник с удивлением отметил, что размер его лейтенантского жалованья превышал сумму, составлявшую содержание старшего по чину офицера в России! [5, с. 36]. Как видно, эта черта российской действительности носит вечный характер...

Ещё один интересный человек, с которым Янгхазбенду довелось познакомиться за два дня пребывания в России, служил в гражданском ведомстве. Это был коллежский советник Николай Гаврилович Матюнин, в 1869—1897 гг. занимавший пост пограничного комиссара Южно-Уссурийского края и много сделавший для укрепления русского влияния на Дальнем Востоке. После 1884 г. Н. Г. Матюнин считался прикомандированным к канцелярии Приамурского генерал-губернатора [11, с. 135—136]. Одновременно погранкомиссар фактически выполнял функции русского консула в приграничных районах Маньчжурии, а в 1888 г. по инициативе генерал-губернатора А. Н. Корфа взял на себя обязанности консула в Северной Корее [12, ф. 150, оп. 493, д. 46, л. 2, 13 об]. В ноябре 1897 г. дипломат стал поверенным в делах России в Корее, однако официально занимал этот пост менее года*. Последним эпизодом многолетней службы Н. Г. Матюнина на дипломатическом поприще было назначение русским консулом в Мельбурне [12, д. 53, л. 49—55]. Впрочем, до Австралии он не добрался, осев в Петербурге и получив в 1904 г. пост помощника управляющего делами Особого комитета Дальнего Востока [12, ф. 159, оп. 749, д. 6, л. 14]. По словам Янгхазбенда, чиновник «...вызвался сопровождать нас во Владивосток — город манящий, но, увы, недоступный из-за нехватки времени. Отсутствие у нас паспортов его ничуть не обескуражило — это было ещё одним свидетельством искренности расположения русских» [5, с. 36].

Поскольку посещение Владивостока не состоялось, англичанам пришлось удовольствоваться поездкой в Новокиевск (пос. Краскино Хасанского района Приморского края). Расположенный в глухом урочище этот военный городок возник после установления русско-китайской границы в Уссурийском крае. С 1869 г. там располагалась ставка пограничного ко-

---

* По данным картотеки личного состава МИД Российской империи — с 27 марта по 31 декабря 1898 г.

миссара, а также воинский контингент, контролировавший пути в Маньчжурию и Корею. Численность войск Янгхазбенд определил в «...батальон пехоты, батареею артиллерии и сотню конных казаков» [5, с. 36]. От внимания английского лейтенанта не укрылось обилие корейцев, переселившихся в русские пределы под покровительство властей [5, с. 37—38]. Сам Новокиевск путешественнику не слишком понравился: улицы были разбиты, казармы и дома офицеров показались тесными и холодными, а весь посёлок — скучным и неухоженным. «Отсутствие жизни поражало. Мы ожидали, что в полдень хотя бы несколько офицерских семей покажутся на улице, совершая моцион. Никто так и не появился. Здешние офицеры проводят свободное время за курением, выпивкой и картами, тогда как их жёнам нечем заняться, кроме созерцания» [5, с. 36—37]. Манера обучения личного состава гарнизона шокировала Янгхазбенда: «Солдаты маршировали, вытягивая ногу и держа её неестественно прямо. Маленький адъютант приплясывал перед строем, наблюдая за тем, чтобы никто не сбивался с шага. Нарушитель тут же получал щелчок по носу!» [5, с. 37].

Заметив на окраине Новокиевска высокий холм, трое англичан поднялись на его вершину. Н. Г. Матюнин иронически заметил, что англичанин готов взбираться на любую гору, попавшую в поле его зрения. Разумеется, поступок Г. Джеймса и его спутников объяснялся отнюдь не национальной страстью к альпинизму: с холма был отлично виден весь военный городок и его окрестности [5, с. 37]. Данью русской экзотике стал визит путешественников в православную церковь [8, с. 354—355]. Янгхазбенд не счёл нужным упомянуть об этом в своих записках.

Двух дней хватило английскому путешественнику для того, чтобы сделать верные наблюдения относительно трудностей русской колонизации Уссурийского края. Привлечение корейцев, по его мнению, было не чем иным, как попыткой русских властей обеспечить возделывание земель. Из бесед с И. Э. Соколовским Янгхазбенд узнал о стремлении правительства к заселению Дальнего Востока русскими переселенцами и препятствиях к осуществлению этой политики. «Власти делают всё, что в их силах, чтобы побудить крестьян к переселению. Их снабжают инвентарём, лошадьми и скотом, оплачивают дорожные расходы, но энергии у людей от этого не прибавляется. Переселенцы принимают все подношения правительства, обеспечивают себя пропитанием, но дальше этого двинуться не силах» [5, с. 38].

На обратном пути англичане вновь навестили Хуньчуньский караул и 11 ноября 1886 г. отряд покинул Хуньчунь, а месяц спустя благополучно прибыл в Инкоу. Оттуда Г. Джеймс отправился на Квантунский полуостров, а его товарищи — в Пекин, где вскоре началось первое центральноазиатское путешествие Ф. Янгхазбенда.

Экспедиция Г. Джеймса была одним из факторов, побудивших русское правительство заняться укреплением обороны своих тихоокеанских рубежей. В послании военному министру П. С. Ванновскому от 5 октября 1887 г. приамурский генерал-губернатор барон А. Н. Корф писал: «Значение Южно-Уссурийского края вполне понято в Англии... Рано или поздно, а может быть и в очень недалёком будущем, нам, вероятно, придётся защищать Южно-Уссурийский край от европейского десанта и от одновременного

нападения китайской армии с сухого пути» [12, ф. 148, оп. 487, д. 1368, л. 113—113 об]. За несколько месяцев до этого генерал-губернатор высказывал схожее мнение в Особом совещании по делам Дальнего Востока, созванном в Санкт-Петербурге в составе министра иностранных дел, военного и морского министров, а также других высоких чинов [12, ф. 143, оп. 487, д. 1368, л. 20—20 об]. Совещание пришло к выводу о недостаточности сухопутных и морских сил России на Дальнем Востоке, армейскую группировку, насчитывавшую в своих рядах всего 12 тыс. солдат и офицеров, было решено значительно усилить, ассигновав на это «...новый ежегодный кредит в 600 тысяч металлических рублей» [12, ф. 148, оп. 487, д. 1368, л. 29], число артиллерийских орудий, защищавших Владивосток, было решено увеличить с 52 до 70 [12, ф. 148, оп. 487, д. 1368, л. 51 об]. Наконец, русскую эскадру в Тихом океане, включавшую лишь 5 современных судов, планировалось усилить переброшкой боевых кораблей с Балтийского и Средиземного морей [12, ф. 148, оп. 487, д. 1368, л. 68].

В то же время Россия начала уделять самое пристальное внимание Маньчжурии, куда в 1888 г. отправился из Пекина русский военный агент, полковник Генерального штаба Д.В. Путята. Он практически полностью повторил маршрут Г. Джеймса и Ф. Янгхазбенда, проследовав из Инкоу в Хуньчунь через Мукден, Гирин, Баянсу, Саньсин и Нингуту [16].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. French P. *Youngusband: the last great imperial adventurer*. London: Harper Collins, 1994. 440 p.
2. Samuel Herbert L. *Man of action: Man of the Spirit. Sir Francis Youngusband*. London: World Congress of Faiths, 1953.
3. Seaver G., Francis Youngusband. *Explorer and Mystic*. London, 1952. 391 p.
4. Shaw R.V. *Visits to High Tartary, Yarkand and Kashgar*. London: J. Murray, 1871 (репринтное издание — Р. Hopkirk, Oxford University Press, 1984. 502 p.).
5. Youngusband F.E. *The Heart of a Continent. A narrative of travels in Manchuria, across the Gobi Desert, through the Himalayas, the Pamirs and Hanza (1884—1894)*. London, 1993. 332 p.
6. Fleming G. *Travels on horseback in Mantchu Tartary: being a summer's ride beyond the Great Wall of China*, London: Hurst and Blackett, 1863. 579 p.
7. Williamson A, rev. *Journeys in North China, Manchuria and Eastern Mongolia*. London: Smith, Elder and Co, 1870. Vol. 1—2.
8. James H.E.M. *Long White Mountain or a journey in Manchuria with some account of the history, people, administration and religion of that country*. London: 1888. 502 p.
9. Дацышен В.Г. *Очерки истории российско-китайской границы во 2-й половине XIX — начале XX в.* Кызыл: Изд-во ОАО «Респ. тип.», 2000. 215 с.
10. РГВИА (Российский государственный военно-исторический архив). Ф. 400 (Азиатская часть главного штаба). Оп. 17. Д. 7216.
11. *Дальний Восток России: из истории системы управления. Документы и материалы: к 115-летию образования Приамурского генерал-губернаторства*. Владивосток: 1999. 233 с.
12. АВПРИ (Архив внешней политики Российской империи). Ф. 150 (Японский стол). Оп. 493. Д. 46, 53; Ф. 159 (Департамент личного состава и хозяйственных дел МИД). Оп. 749/2. Д. 6; Ф. 148 (Китайский стол). Оп. 487. Д. 1368.
16. Путята Д.В. *Отчёт о поездке по Маньчжурии*. СПб.: Военно-учёный комитет Главного штаба, 1889. 127 с.